

В.В. ДЕМЕНТЬЕВА*

**BELLUM IUSTUM:
ВОЙНА «СПРАВЕДЛИВАЯ»
ИЛИ «ЗАКОННАЯ»?
(К ДИСКУССИИ О ЗНАЧЕНИИ
ПОНЯТИЯ У ЦИЦЕРОНА)****

*Памяти Валерия Николаевича Токмакова,
талантливого антиковеда и замечательного человека*

Хорошо известно, что латинское словосочетание «bellum iustum», имеющее длительную историю употребления – с античного времени до современности, первым использовал Цицерон. Существительное «bellum» (i, n), возникшее из архаического «duellum»¹, означает «войну», «сражение», «борьбу», оно характеризует состояние вооруженного конфликта в противовес миру (как отсутствие последнего)². Древнегреческий его аналог – ὁ πόλεμος. Прилагательное «iustus» (a, um) имеет ряд значений, главные из которых «справедливый»/«честный» и «законный»/«узаконенный», притом второе было не менее характерно для латинского языка, чем первое. Эта

---

* Дементьева Вера Викторовна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного Центра антиковедения Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

** Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ по проекту № 91 «Междисциплинарные исследования политико-правового и культурно-исторического наследия Античности с применением информационных технологий» в рамках базовой части государственного задания на НИР ЯрГУ.

¹ Этимологию, а также отсылки к источникам и справочным изданиям см.: *Sini F. Vt iustum conciperetur bellum guerra «giusta» e sistema giuridico-religioso romana // Seminari di Storia e di diritto II: «guerra giusta»? Le metamorfosi i un concetto antico. Milan, 2003. P. 31–76, ntt. 68–80.*

² Ф. Сини подчеркивает, что кроме вооруженного конфликта между *hostes* под словом «bellum» может пониматься также и промежуток времени, когда ведутся боевые действия, – в противопоставление времени мира. См. об этом: *Sini F. Op. cit.; Сину Ф. Varr. De ling. lat. 5.86 и римское «международное право» (размышления о fides, bellum, hostis, pax) // Древнее право. Ius antiquum. 2003. № 2 (12). С. 57.*

двойственность семантики свойственна и аналогичному древнегреческому прилагательному «δίκαιος». Естественно, что связь между значениями «справедливый» и «законный» опирается на происхождение понятия права от понятия справедливости, следствием чего была у римлян содержательная близость и даже взаимозаменяемость слов «iustitia» и «ius». Дуализм смысловых оттенков из пересекающихся сфер справедливого и законного сохранился в интересующем нас словосочетании в ряде современных европейских языков: итальянское выражение «guerra giusta», французское «guerre juste», английское «just war». Приведенные термины на перечисленных языках одновременно имеют значения и «справедливой войны», и «законной войны», хотя, как кажется, все же на первом плане именно «справедливой», ибо для обозначения собственно законности/узаконности служат также прилагательные «leggittimo», «legale» – в итальянском, «légal», «légitime» – во французском, «legal», «lawful», «legitimate» – в английском, а также некоторые другие во всех названных языках. Но тем не менее «справедливость» в смысловом объеме этих выражений («guerra giusta», «guerre juste», «just war») явно сопряжена с «законностью». Более четко разделяют понятия «справедливая война» и «законная война» два языка из основных европейских – немецкий и русский. В немецком справедливая война обозначается как «der gerechte Krieg», а законная война – как «der rechtmäßige Krieg». И в русском, и в немецком языках, разумеется, опосредованная связь между справедливостью и законностью применительно к войне есть (в немецком более заметная, ибо общий корень наглядно себя проявляет), но терминологически данные понятия разведены. В русском языке понятие «справедливая война» к тому же ментально обусловлено представлением о справедливости в первую очередь именно оборонительной войны, защиты Отечества, отражения агрессии («Я не дам свою родину вывезти / За простор чужеземных морей! / Я стреляю – и нет справедливости / Справедливее пули моей!» М.А. Светлов, «Итальянец»). И здесь коннотации в сознании русскоговорящего относятся не к закону, а к праведности, с которой связано происхождением слово «справедливость», но тут опять-таки праведность смыкается с правдой и правом, хотя это, в отличие от других упомянутых языков, более дальний план.

Однако у Цицерона *bellum iustum* употребляется отнюдь не по отношению к оборонительной войне – термин непосредственно использовался им только по отношению к войне наступательной, причем именно против внешнего врага. Гражданские войны, как и подавление восстаний завоеванных народов, находились за пределами смыслового пространства этого понятия, такие конфликты были *bella interna* (внутренними войнами)³.

³ Girardet K.M. «Gerechter Krieg». Von Ciceros Konzept des *bellum iustum* bis zur UNO-Charta // Gymnasium. 2007. Bd. 114. S. 7–8.

Смысловый дуализм, заложенный в словосочетании «*bellum iustum*», обусловил две трактовки этого понятия в исследовательской литературе: одни авторы (их большинство) усматривают отраженную в нем характеристику войны как справедливой, другие, которые оказались в явном численном меньшинстве, — как законной. Среди первых преобладают немецкие исследователи (что лишь до некоторой степени отражает «численное преимущество» уделивших этой теме внимание историков Германии — в первую очередь сказывается именно сформировавшийся подход к данному вопросу в национальной школе антиковедения этой страны). Монографическим трудом, прочно закрепившим такой подход, явилась диссертация Сигрид Альберт⁴, экземпляр которой был подарен мне когда-то — теперь уже очень давно — моим немецким наставником Йохеном Бляйкеном (он опубликовал эту диссертацию в серии FAS, им издававшейся), — ее текст пробудил мой интерес к теме и обусловил дальнейшее отслеживание литературы по ней. Разумеется, и до С. Альберт понимание *bellum iustum* как войны именно справедливой присутствовало в историографии, например в статье Герберта Хаусманигера⁵. Затем в русле понимания термина «*bellum iustum*», зафиксированного С. Альберт, писали свои работы Хельга Ботерманн⁶ и Максимилиан Форшер⁷. Естественно, что кроме тех, кто специально изучал интересующее нас понятие, его использовали в отмеченной трактовке авторы многочисленных работ, причем не только по античной военной истории, но и политологических, социологических, философских и т.д.

Иное понимание *bellum iustum* у Цицерона выразил в монографии, изданной в 2001 г., итальянский исследователь Луиджи Лорето⁸, изучавший эту смысловую категорию в контексте *ius gentium*. Он утверждал, что справедливость в связи с *bellum iustum* для Цицерона не играла ника-

---

⁴ *Albert S.* *Bellum iustum. Die Theorie des «gerechten Krieges» und ihre praktische Bedeutung für die auswärtigen Auseinandersetzungen Roms in republikanischer Zeit.* (Frankfurter Althistorische Studien. Ht. 10.) Kallmünz, 1980.

⁵ *Hausmaniger H.* «*Bellum iustum*» und «*iusta causa belli*» im älteren römischen Recht // *Österreichische Zeitschrift für öffentliches Recht.* 1961. Bd. 11. S. 335–345. Исследования, опубликованные до начала 2000-х гг., где уделялось внимание понятию «*bellum iustum*», перечислены в статье: *Суну Ф.* Указ. соч. С. 62, сн. 105.

⁶ *Botermann H.* Ciceros Gedanken zum «gerechten Krieg» in *de officiis* 1,34–40 // *Archiv für Kulturgeschichte.* 1987. Bd. 69. S. 1–29.

⁷ *Forscher M.* *Naturrechtliche Grundlegung der Theorie des gerechten Krieges in der Antike (bei Cicero und Augustinus)* // *Gymnasium.* 2004. Bd. 111. Ht. 6. S. 557–572.

⁸ *Loreto L.* *Il bellum iustum e i suoi equivoci. Cicerone ed una component della rappresentazione romana del Völkerrecht antico.* (Storia politica costituzionale e militare del mondo antico. Bd. 1.) Napoli, 2001.

кой роли, а это словосочетание римский мыслитель употреблял в рамках римского права как норму, связанную с ведением войны. Подобное восприятие содержания этого понятия у Цицерона и других античных авторов присутствует в работе Антонелло Калоре⁹. Обобщая сведения источников, Франческо Сини сформулировал вывод, базирующийся на таком подходе, следующим образом: «Свидетельства древних в том, что касается определения *bellum iustum*, не выглядят подчиненными принципам абстрактной морали, они скорее... касаются оценок соответствия религиозной и ритуальной сфере *ius fetiale*»¹⁰. Соглашусь с этой оценкой, ибо определения, содержащиеся у Цицерона, обычно четкие, дающие основания именно для такого утверждения. Например, в трактате «Об обязанностях» дефиниция присутствует в следующем виде (*Cic. De off. I.36*): *nullum bellum esse iustum, nisi quod aut rebus repetitis geratur aut denuntiatum ante sit et indictum* (как видим, у Цицерона лишь та война определяется *iustum*, которая ведется после предъявления требований, предварительного возвещения и объявления). Цицерон (*Cic. De off. I.36*), так же как и Варрон (*Varro L.L. V.86*), делает отсылку на право фециалов, утверждая: *Ac belli quidem aequitas sanctissime fetiali populi Romani iure perscripta est*. С III в. до н.э. фециалы не были задействованы при вступлении Рима в войну, их место заняли послы сената. Цицерон, однако, ориентировался не на современную ему практику Рима, а на картину более ранних столетий. В диалоге «О государстве» (*Cic. De rep. II.31*), сообщая об установлении Туллом Гостилием правил для объявления войн, подтвержденных фециальным уставом, он говорит, что всякая война, если она не возвещена и не объявлена, является *iniustum*: *omne bellum, quod denuntiatum indictumque non est, id iniustum esse atque inprimum iudicarentur*. Война, которая считается *iustum*, предваряется, таким образом, согласно Цицерону, тремя действиями: *res repetere, bellum denuntiare, bellum indicere* (*Cic. De off. I.36*).

Для итальянской историографии, как видим, характерно решение вопроса о содержательном наполнении понятия «*bellum iustum*» у Цицерона в правовом ключе – как войны, соответствующей *ius fetiale*. Вероятно, это связано в определенной степени и с тем, что итальянские ученые представляют юридическую романистику, тогда как немецкие, обращавшиеся к этому сюжету, – преимущественно историки. Однако и в немецкоязычной историографии можно обнаружить утверждения, в определенном смысле приближающиеся к такой трактовке: так, в диссертации 1985 г.

⁹ Calore A. *Forme giuridiche del «bellum iustum»* (Corso di Diritto romano. Brescia – a.a. 2003–2004). Mailand, 2003. P. 43–106. См. также его статью: Calore A. «Bellum Iustum» e ordinamento feziale // *Diritto@Storia*. 2005. Vol. 4.

¹⁰ Сини Ф. Указ. соч. С. 62.

швейцарского лексикографа Сильвии Клавадечер-Тюрлеманн¹¹ отмечено, что выражение «*bellum iustum*» у Цицерона лучше всего переводить в значении «правильной» войны (*richtiger Krieg*) или войны, регулируемой правилом, соответствующей правилу (*regelrechter Krieg*). Такой вывод можно до некоторой степени рассматривать в качестве положившего начало осмыслению данного понятия как войны законной, которое затем развивали Л. Лорето и другие итальянские авторы. Надо заметить, что монография Л. Лорето вызвала критику со стороны немецких специалистов (см. рецензии Клауса Мартина Жирарде¹² и Раймунда Шульца¹³). Но тенденция рассматривать *bellum iustum* в правовых подходах в итальянской историографии в первой половине 2000-х гг. сохранилась (см., например, статьи Марты Сорди, Натале Рампаццо, Фердинандо Дзукотти)¹⁴.

Проанализируем позиции авторов исследований, опубликованных в последнее десятилетие, т.е. после 2005 г., чтобы выявить тенденции развития вынесенной в заголовок статьи дискуссии.

Клаус Мартин Жирарде опубликовал статью ««Справедливая война». От концепта Цицерона *bellum iustum* до Хартии ООН»¹⁵, в названии которой уже содержится перевод изучаемого латинского понятия в этическом ключе. Эту статью я уже обсуждала¹⁶, поэтому остановлюсь только на

---

¹¹ *Clavadetscher-Thürlemann S.* «*Polemos dikaios*» und «*bellum iustum*»: Versuch einer Ideengeschichte. Zürich, 1985. S. 139 ff.

¹² *Girardet K.M.* Rezension zu: Loreto, Luigi (2001): *Il bellum iustum e i suoi equivoci. Cicerone ed una component della rappresentazione romana del Völkerrecht antico.* (Storia politica costituzionale e militare del mondo antico. Bd. 1.) Napoli // *Gnomon*. 2005. Bd. 77. S. 427–434.

¹³ *Schulz R.* Rezension zu: Loreto, Luigi (2001): *Il bellum iustum e i suoi equivoci. Cicerone ed una component della rappresentazione romana del Völkerrecht antico.* (Storia politica costituzionale e militare del mondo antico. Bd. 1.) Napoli // *Historische Zeitschrift*. 2005. Bd. 280. S. 432–434.

¹⁴ См.: *Sordi M.* *Bellum iustum ac pium* // *Guerra e diritto nel mondo Greco e romano.* (Contributi dell'Istituto di storia antica. Bd. 28.) Mailand, 2002. P. 3–11; *Zuccotti F.* «*Bellum iustum*» o del buon uso del diritto romano // *Rivista di Diritto Romano*. 2004. IV (<http://www.ledonline.it/rivistadirittoromano>); *Rampazzo N.* «*Il bellum iustum*» e le sue cause // *Index. Quaderni camerti di studi romanistici. International Survey of Roman Law*. 2005. Vol. 33. P. 235–261. Итальянские работы оказали влияние в изучаемом отношении на французскую историографию. См.: *Touahri O.* *La ruse de guerre dans l'épopée latine* // *Latomus*. 2010. T. 69. Fasc. 3–4. P. 952–964.

¹⁵ *Girardet K.M.* «*Gerechter Krieg*». Von Ciceros Konzept des *bellum iustum* bis zur UNO-Charta. S. 1–35.

¹⁶ См.: *Дементьева В.В.* Современная «справедливая война»: взгляд историков через призму римского понятия *bellum iustum* // *Проблемы античного мира и современность: Межвузовский научный сборник. Вып. 2.* Алматы, 2011. С. 249–260.

позиции автора по рассматриваемому дискуссионному вопросу, на том, в чем он видит суть понимания самим Цицероном этого словосочетания и изменение его смысла после Цицерона. Как и многие другие исследователи, К.М. Жирарде постулирует связь *bellum iustum* с правом народов, ядром которого справедливая война, на его взгляд, и являлась¹⁷. Немецкий антиковед выстраивает логику своего изложения следующим образом: сначала анализ концепта Цицерона в философском и программно-политическом контексте, затем влияния на учение о справедливой войне христианских воззрений, прежде всего Августина, и, наконец, бросает взгляд на дальнейшие 1600 лет бытования и модификации понятия «*bellum iustum*», чтобы ответить на вопрос о том, действительно ли, как думают многие современные авторы, представления о справедливой войне из Хартии ООН полностью исключены, а теорию такой войны не приемлет действующее международное право.

К.М. Жирарде формулирует, что есть, на его взгляд, обоснованная война в понимании Цицерона: это та война, которая ведется за спасение государства (*salus rei publicae/imperii/sociorum*, где *salus* – спасение, средство к спасению или благополучие), в качестве отщизны нарушившим договор союзникам (*ulcisci*) или с целью отражения врагов (*propulsare hostes*). Указанный автор стремится доказать, что обоснованная война – это и есть, по Цицерону, война «справедливая», *bellum iustum*. Логика его при этом такова. Обоснованная война – это война, которая ведется в ответ на *iniuria*, т.е. в ответ на насилие, несправедливость, обиду. Следовательно, обоснованная война – та, которая отвечает требованиям *iustitia* (справедливости) в политике, а значит, она тоже *bellum iustum*. Цепочка рассуждений включает в себя у К.М. Жирарде следующие утверждения. Враг в *bellum iustum* – *iustus hostis* (в отличие от восставшего раба или пирата), *causa belli* (причина войны) – *iniuria*. Наилучшее государство не должно вести войны, кроме как *pro fide aut pro salute* (*Cic. De rep. I.34*). Для Цицерона *iniuria* выступает в качестве *iusta causa*, справедливой причины войны, что допускает римскую экспансию, осуществление *imperium populi Romani*.

Войны Рима *pro fide* и *pro salute* для Цицерона, считает К.М. Жирарде, являлись предпосылкой войн *de imperio/de gloria*. Следовательно, методом действий, направленных против *iniuria*, выступает у Цицерона, как видит это названный автор, подчинение побежденных врагов *imperium populi Romani* или, как он формулирует это на немецком языке, «*die imperiale Expansion*»¹⁸.

¹⁷ Girardet K.M. «Gerechter Krieg». Von Ciceros Konzept des *bellum iustum* bis zur UNO-Charta. S. 3.

¹⁸ Ibid. S. 21.

Рассматривая далее вопрос о теории *bellum iustum* в интерпретации Августина, К.М. Жирарде утверждает — делая это, как он сам акцентирует, в противоположность большей части исследователей, — что Августин не развивал специфически христианскую теорию «справедливой войны», а перенял критерии таковой у Цицерона и при всей критике *Imperium Romanum* придерживался взгляда, что это государство возникло по воле Бога христиан посредством *bella iusta*; созданный в результате войн в дохристианские времена *raх Romana* богоугоден. К.М. Жирарде усматривает рецепцию Августином теории Цицерона, оформление ее в категориях христианского мышления, указывая на призыв Августина ограничить возможность возникновения войны, а также агрессивность и жестокость военных действий¹⁹. По мысли названного автора, Августин различал виды *bella* в зависимости от того, на чей авторитет их ведение опиралось, — бога или императора. Первые и были *bella iusta*²⁰.

Обращаясь затем к взглядам Фомы Аквинского (1225–1274 гг.), К.М. Жирарде выделяет у него три критерия *bellum iustum*: *auctoritas principis*, *iusta causa*, *intentio recta*. Ни один из этих критериев, по мнению исследователя, не является специфически христианским. Усилиями авторов поздней схоластики, таких как Франсиско де Витория (1483–1546 гг.) и Альберико Джентили (1552–1608 гг.), был внесен, как усматривает К.М. Жирарде, новый элемент в дебаты о *bellum iustum*, что полностью изменило понятие в его сущности: идея *bellum iustum ex utraque parte*. Для Цицерона, Августина, Фомы Аквинского имело силу утверждение, что при военном конфликте, который может трактоваться однозначно как *iniuria* для одной стороны, другая сторона может иметь *iusta causa belli*. В противоположность этому, по мысли К.М. Жирарде, Ф. де Витория и А. Джентили полагали, что субъективно каждая из воюющих сторон может вести *bellum iustum*. Право и нарушение его существуют объективно, но для враждующих сторон оно воспринимается субъективно; А. Джентили считал даже, что война и объективно может быть *bellum iustum* для каждой стороны. Еще один значительный шаг в переосмыслении понятия был сделан, как считает К.М. Жирарде, современником А. Джентили Бальтазаром Айялой (1548–1584 гг.), для которого *iniuria* вообще не имела никакого значения как причина справедливой войны (*iusta causa belli*). Война для Б. Айялы только тогда справедлива, когда ее ведут *iusti hostes*, — под врагами понимались при этом суверенные носители власти. Гуго Гроций (1583–1645 гг.) ввел, как обращает внимание К.М. Жирарде, называя его «отцом международного права», новое понятие «*bellum sollemne*»/

¹⁹ *Girardet K.M.* «Gerechter Krieg». Von Ciceros Konzept des *bellum iustum* bis zur UNO-Charta. S. 22–28.

²⁰ *Ibid.* S. 26.

publicum». Его труд «De iure belli et pacis» был написан под впечатлением Тридцатилетней войны, автор использовал формулировки Цицерона, стремясь подвести правоведческую базу под рациональное регулирование войны. Но iniuria в его представлениях, утверждает К.М. Жирарде, не играла для bellum iustum вообще никакой основополагающей роли. Для Г. Гроция bellum тогда iustum, когда удовлетворяет понятиям «sollemne» или «publicum», т.е. у каждой из враждующих сторон имеются носители высшей власти (summa potestas/summum imperium), главы государств, и война публично объявляется (publice decretum) с соблюдением формальностей. Сказать кратко, подытоживает К.М. Жирарде, с bellum iustum Цицерона, которая дефинируется исходя из идеи iniuria, такая трактовка не имеет ничего общего²¹.

Последний аккорд анализа К.М. Жирарде — проекция его размышлений на Хартию ООН. Исследователь замечает, что без iniuria в качестве iusta causa belli понятие «bellum iustum» имеет чисто формальное значение как признанное моральное понятие при обосновании права на войну (ius ad bellum) суверенных государств. И следует ли согласиться, что Хартия ООН 1945 г. устраняет bellum iustum посредством международного права? — задается вопросом К.М. Жирарде. Отвечает он на него так: и да, и нет, поясняя, что все зависит от того, какое определение понятия «bellum iustum» имеется в виду. Нет, если вкладывать в него смысл поздней схоластики и Гуго Гроция. Да, если брать дефиницию Цицерона. Оно применяется, считает немецкий историк, только без слова «война» в качестве компонента Хартии: в ст. 51 как естественное право на индивидуальную и коллективную самооборону для случаев вооруженного нападения²²; в ст. 34, где речь идет об угрозе сохранению мира во всем мире (и угрозе

---

²¹ Girardet K.M. «Gerechter Krieg». Von Ciceros Konzept des bellum iustum bis zur UNO-Charta. S. 29–32.

²² UNO-Charta. Article 51: Nothing in the present Charter shall impair the inherent right of individual or collective self-defence if an armed attack occurs against a Member of the United Nations, until the Security Council has taken measures necessary to maintain international peace and security. Measures taken by Members in the exercise of this right of self-defence shall be immediately reported to the Security Council and shall not in any way affect the authority and responsibility of the Security Council under the present Charter to take at any time such action as it deems necessary in order to maintain or restore international peace and security. (Хартия ООН. Статья 51: Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации, до тех пор пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности. Меры, принятые Членами Организации при осуществлении этого права на самооборону, должны быть немедленно сообщены Совету Безопасности и никоим образом не должны затрагивать полномочий и ответственности Совета Безопасности, в соответствии с настоящим Уставом, в отношении предпринятия в любое время таких действий, какие он сочтет необходимыми для поддержания международного мира и безопасности.)

интернациональной безопасности) в ситуациях, которые ведут к международным разногласиям и раздору²³; в ст. 39, где упоминаются возможность угрозы, нарушение мира и акт агрессии²⁴, — не есть ли это не что иное, как цicerонова iniuria? — вопрошает К.М. Жирарде. И, добавляет он, не есть ли агрессор, нарушитель мира hostis? И наконец, подчеркивает исследователь, если в Хартии не употребляются слова «справедливые основания войны» и «справедливая война», так ведь ни разу не появляется и слово «война». И он обнаруживает в действиях против нарушителей мира, предусмотренных в ст. 42 Хартии²⁵, а именно в мерах применения вооруженных сил (воздушных, морских и сухопутных) для сохранения или восстановления мира во всем мире и обеспечения международной безопасности, превентивную войну в смысле цicerоновой bellum iustum, для которой именно iniuria является iustae causae²⁶.

К своим выводам К.М. Жирарде добавляет: шагом вперед явилось то, что произошло упразднение ius ad bellum суверенных государств, поставивших свои подписи, это право было передано ООН. И в конце работы оставляет открытым вопрос о том, как соотнести с bellum iustum дискутируемые в современной политической жизни проблемы «гуманитарной интервенции» и «войны против террора».

²³ UNO-Charta. Article 34: The Security Council may investigate any dispute, or any situation which might lead to international friction or give rise to a dispute, in order to determine whether the continuance of the dispute or situation is likely to endanger the maintenance of international peace and security. (*Хартия ООН. Статья 34: Совет Безопасности уполномочивается расследовать любой спор или любую ситуацию, которая может привести к международным трениям или вызвать спор, для определения того, не может ли продолжение этого спора или ситуации угрожать поддержанию международного мира и безопасности.*)

²⁴ UNO-Charta. Article 39: The Security Council shall determine the existence of any threat to the peace, breach of the peace, or act of aggression and shall make recommendations, or decide what measures shall be taken in accordance with Articles 41 and 42, to maintain or restore international peace and security. (*Хартия ООН. Статья 39: Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает о том, какие меры следует предпринять в соответствии со статьями 41 и 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.*)

²⁵ UNO-Charta. Article 42: Should the Security Council consider that measures provided for in Article 41 would be inadequate or have proved to be inadequate, it may take such action by air, sea, or land forces as may be necessary to maintain or restore international peace and security. Such action may include demonstrations, blockade, and other operations by air, sea, or land forces of Members of the United Nations. (*Хартия ООН. Статья 42: Если Совет Безопасности сочтет, что меры, предусмотренные в статье 41, могут оказаться недостаточными или уже оказались недостаточными, он уполномочивается предпринимать такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Такие действия могут включать демонстрации, блокаду и другие операции воздушных, морских или сухопутных сил Членов Организации.*)

²⁶ Girardet K.M. «Gerechter Krieg». Von Ciceros Konzept des bellum iustum bis zur UNO-Charta. S. 32–35.

Возвращаясь к основному в рассматриваемом мною ракурсе выводу К.М. Жирарде, отмечу, что, строго говоря, для Цицерона *bellum iustum* связана с правом фециалов и ритуальным оформлением процедуры ее начала (понятие относится у него только к объявлению войны начинающей ее стороной). Отражение внезапного вторжения врага есть обоснованная, с точки зрения Цицерона, война, но для римского мыслителя это не *bellum iustum*. Применение такого термина к оборонительной войне — это дальнейшее переосмысление, «глобализация» содержательного наполнения понятия «*bellum iustum*». Поэтому, когда К.М. Жирарде утверждает, что в Хартии ООН заложено именно цicerоново понимание *bellum iustum*, это все-таки некорректное утверждение. В Хартии ООН речь идет именно о случаях отражения агрессии, а не об обосновании ее возможности. И если признавать, что у Цицерона понятие «*bellum iustum*» не относится непосредственно к войне оборонительной, — а К.М. Жирарде это признает²⁷, — то предложенная им логика рассуждений дает некорректный итоговый вывод о сохранении в Хартии ООН цicerонового содержательного наполнения понятия «*bellum iustum*». Полагаю, что если уж находить в Хартии традиции, идущие от осмысления войн Цицероном, то только «обоснованной войны». Но нельзя отождествлять *bellum iustum* Цицерона и войну, которую он считал обоснованной. Мне представляется, что мыслители XIII–XVIII вв. развивали понятие «*bellum iustum*» в формально-юридическом ключе именно потому, что воспринимали собственно «правовой» его смысл; они не переосмыслили понятие, как считает К.М. Жирарде, а продолжили линию Цицерона в содержательном наполнении этого словосочетания как войны законной.

Итак, К.М. Жирарде в проанализированной статье проявил себя как сторонник понимания *bellum iustum* Цицерона в значении «справедливой войны»; он поставил знак равенства между этим словосочетанием и «обоснованной войной» (обоснованная война — та, которая отвечает требованиям *iusticia*, т.е. справедливости в политике, а значит, она тоже *bellum iustum*), что, на мой взгляд, ошибочно.

В 2009 г. была опубликована статья Детлера Либса «*Bellum iustum* в теории и практике»²⁸, в которой автор постулирует в качестве исходного утверждение, что у римлян очень рано получило развитие правовое сознание, а в соответствии с ним и были разработаны практика и теория начала военных действий в ситуации, когда не было непосредствен-

²⁷ Girardet K.M. «Gerechter Krieg». Von Ciceros Konzept des *bellum iustum* bis zur UNO-Charta. S. 7–8.

²⁸ Liebs D. *Bellum iustum* in Theorie und Praxis // *Ars iuris*. Festschrift für Okko Behrends zum 70. Geburtstag / Hergs. M. Avenarius, R. Meyer-Prilz, C. Möller. Göttingen, 2009. S. 305–318.

ной угрозы, — через фециалов; ни у одного народа не было такой, какая была создана у римлян, «отточенной теории войны»²⁹. Д. Либс рассматривает в качестве примеров сообщение Ливия о посольстве родосцев в 167 г. до н.э. (*Liv.* II.V.22.5) и сведения Полибия (*Polyb.* XIII.3.7; XXXVI.2.1; 9.9). Он останавливается на деятельности коллегии фециалов, особенно на роли *pater patratus*³⁰, который вел переговоры, зачитывал договор, произносил присягу. Далее Д. Либс воспроизводит перечень *iusta causa belli*³¹, следуя в этом вопросе за С. Альберт, которая выделяла в понятии «*bellum iustum*» в употреблении латинских авторов два взаимосвязанных пласта: первый — формальный, относящийся к праву фециалов, а второй — содержательный, означающий справедливые основания для ведения войны³². С. Альберт отметила, что с течением времени у римлян выкристаллизовались различные основания «справедливой войны»³³: 1) чаще всего называемая причина — защита союзников, подвергшихся нападению; 2) нарушение договора; 3) отпадение от союза; 4) отказ выполнять объявленный нейтралитет; 5) нападение на послов, чья неприкосновенность должна была гарантироваться; 6) *incursio hostilis* (нападение врагов), нарушение территориальных прав вторжением в чужую область; 7) отказ от выдачи Риму лиц, которые были виновны в перечисленных выше нарушениях. Д. Либс подчеркивает, что если все надлежащие процедуры, совершаемые фециалами, были исполнены, все формулы произнесены, а также полностью выполнены соответствующие ритуалы, то начинавшаяся после этого война являлась *bellum iustum* независимо от того, были упреки противоположной стороне обоснованными или же имело место явное притворство³⁴. В этом немецкий исследователь солидаризируется с Л. Лорето, добавляя — и уже не высказывая поддержки итальянскому коллеге, — что последний обра-

²⁹ *Liebs D.* Op. cit. S. 305.

³⁰ *Ibid.* S. 307–308. Работы российских антиковедов о коллегии фециалов см.: *Майорова Н.Г.* Институт фециалов в раннем Риме // *Древнее право. Ius antiquum.* 1998. № 1 (3). С. 78–81; *Она же.* Римские фециалы: кто они? // *Труды кафедры древних языков (К 50-летию кафедры)* / Отв. ред. И.С. Чичуров. СПб., 2000. С. 58–71; *Она же.* Коллегия фециалов // *Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права* / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2001. С. 142–179; *Шмелева Л.М.* Формирование фециального права в древнейшем Риме (VIII–VI вв. до н.э.) // *Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование: Доклады международной интернет-конференции* / Отв. ред. В.В. Дементьева. Ярославль, 2012. С. 116–127.

³¹ *Liebs D.* Op. cit. S. 309.

³² *Ibid.* S. 12–16.

³³ *Albert S.* Op. cit. S. 17–18.

³⁴ *Liebs D.* Op. cit. S. 309–310.

щается к теории Карла Шмитта о понимании политического как различия «друг/враг» (Freund/Feind, amicus/hostis) и интерпретирует Цицерона как интеллектуального предшественника К. Шмитта, — первые христианские мыслители, особенно Августин, писали о необходимости именно реальной причины войны. Д. Либс при этом отмечает, что Л. Лорето односторонне трактует привлекаемые источники, за что его критиковал К.М. Жирарде. Источники, конечно, полагает Д. Либс, указывают подчас именно на сложную формальную сторону объявления войны, а фактические основания войны отбрасывают, но это не означает, что не было реальной причины войны. Что же касается того, что Цицерон и К. Шмитт поставлены в один ряд в названном отношении, то это, обращает внимание Д. Либс, раньше Л. Лорето сделал в 1987 г. Рольф Хоххут³⁵.

В целом у Д. Либса получается, что *bellum iustum* Цицерона — это война, объявление которой обставлено формализованными процедурами (с чем, безусловно, следует согласиться), но вместе с тем он, как и ряд его предшественников в немецкой историографии, по сути дела приравнивает *bellum iustum* и войну на основе *iusta causa belli*, хотя для Цицерона, на мой взгляд, это понятия, лежащие в разных плоскостях: отражение внешней агрессии для римского мыслителя не является *bellum iustum*, но оно вполне подпадает под *iusta causa belli*. Поэтому я полагаю, что отождествление *bellum iustum* с войной, имевшей законные/справедливые причины, выходит за пределы определения этой войны у Цицерона и приводит — в результате не слишком корректной логической операции — к излишне расширительному толкованию (в данном случае Д. Либсом) изучаемого понятия в текстах великого римлянина.

В свое время С. Альберт отнесла к *bella iusta* римлян Первую Пуническую, Югуртинскую, Третью Пуническую войны; к «объективно справедливым» — Первую и Вторую Иллирийские, Первую Македонскую, Галльскую, Первую и Третью Митридатовы войны, войну против Антиоха III; к «формально справедливым» — Вторую Пуническую и Вторую Македонскую войны; в качестве *bella iniusta* ею были квалифицированы парфянский поход Красса, Вторая Митридатова и Третья Македонская войны. Отгалкиваясь, судя по всему, от такого подхода, Д. Либс рассмотрел с разной степенью подробностей в качестве отдельных случаев Третью Пуническую войну, Нумантинскую войну в Испании, для периода Империи — войны при Калигуле 39–40 г. н.э., при Клавдии 43 г. до н.э., при Домициане 83–84 г. н.э., при Траяне 101–107 гг., маркоманнские войны при Марке Аврелии. В итоге Д. Либс объединяет римские войны в три группы: 1) войны из-за стремления воевать: померяться силами, удовлет-

³⁵ *Liabs D. Op. cit. S. 310. См.: Hochhuth R. Täter und Denker. Stuttgart, 1987. S. 41–43.*

ворить личное тщеславие, расширить власть, увеличить богатство; 2) войны против врага, который повел себя как агрессор, причинил значительную несправедливость союзникам или опекаемым, — что в общем и целом было справедливой войной; 3) войны в напряженное время из-за относительно ограниченной либо только мнимой несправедливости или предполагаемой угрозы³⁶. В конечном счете Д. Либс делает вывод, что римлянам до некоторой степени хорошо удалось отграничение справедливой войны, но они придерживались этого не долее, чем достигли бесспорного превосходства, когда им уже не приходилось опасаться реакции сообщества, жившего по нормам права народов.

Таким образом, *bellum iustum* трактуется Д. Либсом весьма расширительно, как «справедливая война» против врага-агрессора, что довольно далеко, на наш взгляд, отстоит от того смысла, который вкладывал в это понятие Цицерон. Наделение его моральным содержанием, в отличие от правового у Цицерона, неизбежно придает модернизаторский оттенок, да и итоговый вывод навеивает аналогии с современностью.

Перевод категории «*bellum iustum*» в плоскость этическую из правовой приобрел в немецкой историографии еще более отчетливое звучание в диссертации, защищенной в Мюнхене в 2011 г. и опубликованной в 2012 г., автором которой является Андреа Келлер³⁷.

В данной работе последовательно анализируется — под углом осмысления Цицероном войны и мира — содержание книг каждого из трех его политико-философско-правовых трактатов: «*De officiis*», «*De re publica*», «*De legibus*», а также его риторического сочинения «*De inventione*», писем и речей. А. Келлер отталкивается от этической стороны учения Цицерона и стремится раскрыть его понимание войны и справедливости. Она находит у римского мыслителя представление о том, что природной склонности людей образовывать объединения соответствуют следующие добродетели: справедливость, храбрость и благоразумие, среди которых первая занимает особое место³⁸. Масштабом, которым измеряется справедливое действие, для Цицерона, по наблюдениям А. Келлер, служит природа. Живые организмы, включая и людей, созданы для жизни в обществе. Поэтому только то хорошо в нравственном отношении, что служит пользе сообществу всех людей. То, что проистекает от природы в качестве задачи для членов общества, называет Цицерон «*officium*». *Officium* справед-

---

³⁶ *Liebs D.* Op. cit. S. 317.

³⁷ *Keller A.* Cicero und der gerechte Krieg. Eine ehtisch-staatsphilosophische Untersuchung. (Theologie und Frieden. Bd. 43.) Kohlhammer, 2012.

³⁸ *Ibid.* S. 39.

ливости — никому не причинять вред, ибо это порождает несправедливость (*Cic. De off. I.20*)³⁹.

Если что-то вредит объединению людей, это не может быть, по Цицерону, справедливым, отмечает немецкая исследовательница, добавляя, что исходя из этих предпосылок кажется, что война вообще никогда не может быть справедливой, если другим членам объединения людей причиняется ущерб, однако Цицерон говорит о *bellum iustum*. А. Келлер отмечает, что на втором плане разработанной в трактате «Об обязанностях» этики Цицерон задается вопросом, как людям вести себя справедливо, когда они уже пострадали от несправедливости, — речь идет о реакции на несправедливость⁴⁰. В своем ответе на этот вопрос Цицерон, по мнению А. Келлер, устанавливает предел применения неограниченной силы против правонарушителей: нужно при наказании соблюдать меру, нельзя безгранично применять силу, совершая новую несправедливость. Этот ответ, подчеркивает автор диссертации, Цицерон переносит на политику. Если народ, например римляне, от другого народа претерпел несправедливость, должен он в первую очередь с этим другим народом разобрать дело. Тем самым, по мысли А. Келлер, Цицерон устанавливает границы войны⁴¹. Прежде всего нужно выбрать путь переговоров. Только если этот путь не приведет к цели, тогда можно начать войну. Если на этом пути не будет достигнуто возмещение, если другой народ не раскается в своей несправедливости, тогда можно вести войну, чтобы жить в дальнейшем в мире без несправедливости. В качестве цели войны имеет право на существование только установление мира без несправедливости. Мир без несправедливости — единственная легитимная цель войны для Цицерона⁴². На взгляд А. Келлер, Цицерон, чтобы сделать это утверждение яснее, проиллюстрировать его, чтобы мотивировать соблюдение сформулированной этической нормы и ее легитимизировать, обращается к древнему римскому ритуалу *ius fetiale*, по которому война только тогда справедлива, если перед тем требования выставлены и война объявлена (*Cic. De off. I.36*), этические требования сохранены в ритуале⁴³; право фециалов, отмечает исследовательница, соответствует взгляду Цицерона на изложенные им этические принципы.

---

³⁹ Keller A. Op. cit. S. 221.

⁴⁰ Ibid. S. 80.

⁴¹ Ibid. S. 222.

⁴² Ibid. S. 121.

⁴³ Ibid. S. 222.

А. Келлер подчеркивает, что Цицерон устанавливает для римлян, которые на основе власти и силы могли вести преднамеренные войны, этические границы и обосновывает их римской традицией, поскольку он принимал идеализированный Рим предков как «этическое измерение» для современных ему политиков: предки обладали авторитетом, а современники обязаны следовать их нормам⁴⁴. Кроме того, требует Цицерон по возможности снисходительного (мягкого) обращения с врагом⁴⁵, чрезмерная жестокость по отношению к противнику не разрешается⁴⁶. Наряду с этим должны соблюдаться многие другие нормы, например выполняться присяга, и в целом А. Келлер делает вывод, что в отношении начала войны право и этика для Цицерона совпадают⁴⁷. Затем автор диссертации анализирует этико-философское осмысление Цицероном взаимодействия таких понятий, как «храбрость» и «благоразумие», «справедливость» и «слава», «польза» и «нравственное благо» применительно к войне, находя, например, лишь кажущимся противоречие между двумя элементами последней пары понятий⁴⁸. А. Келлер, обобщая, полагает, что отдельные добродетели, которым уделено внимание в сочинении «Об обязанностях», переносятся Цицероном на политику, в том числе и на войну, которую, следовательно, он рассматривает исходя из этической перспективы.

Далее А. Келлер глобализирует этот вывод, расширяя его до следующего: исследование трех философских сочинений Цицерона позволяет установить, что рефлексии Цицерона относительно *bellum iustum* имеют этические, правовые, религиозные и политические аспекты, а из этической перспективы им рассмотрены не только политические проблемы, но также и правовые, и религиозные⁴⁹. При этом Рим понимается Цицероном, подчеркивает А. Келлер, как самая лучшая община в моральном отношении, как община с лучшей конституцией, лучшим правом и религиозными традициями, чье дальнейшее существование ставится под угрозу из-за ошибочных этических, правовых и религиозных действий отдельных политиков. Один из аспектов этого — господство Рима над своими союзниками и провинциями. Эта тема всегда возникает в связи с войной в его философских сочинениях, акцентирует А. Келлер. В данном

⁴⁴ Keller A. Op. cit. S. 223.

⁴⁵ Ibid. S. 83, 121.

⁴⁶ Ibid. S. 222.

⁴⁷ Ibid. S. 84.

⁴⁸ Ibid. S. 120.

⁴⁹ Ibid. S. 192.

контексте, на ее взгляд, и устанавливает Цицерон, когда война не разрешена и не позволительна. Для этого он и обосновывает этические, правовые и религиозные нормы. Цицерон словами Лелия в сочинении «De re publica» (*Cic. De rep. III.21–24; 34–36*) утверждает, рассуждает далее А. Келлер, что господство как таковое не есть несправедливое состояние, есть и легитимные формы господства; но оно не всегда на практике осуществляется правильным образом⁵⁰. Господство справедливо тогда, когда не только господствующие, но и подчиненные имеют пользу от него, так как все, что хорошо нравственно, приносит пользу человеческому обществу⁵¹. Под справедливым господством понимает Цицерон протекторат (*patrocinium*), который сохраняется не посредством страха, а тем, что одновременно соблюдаются и интересы подчиненных. Это не исключает, например, того, что можно поднимать налоги, но нельзя налоги взимать в таком размере, чтобы нещадно эксплуатировать провинции. Для того чтобы господство было правильным, Цицерон предъявляет этические требования к римским политикам и сожалеет, что эти требования не всегда соблюдаются. Одно из этических требований состоит как раз в том, чтобы не вести несправедливую войну. Во второй книге трактата «О государстве», обращает внимание А. Келлер, усматривает его автор нарушением человеческого и божественного права, если война не объявляется и не провозглашается (*Cic. De rep. II.31*).

Дальнейшая логика А. Келлер весьма близка логике ее предшественников в немецкой историографии: войну у Цицерона делает несправедливой то обстоятельство, что она без основания начинается⁵². В качестве оснований для справедливой войны служат, с одной стороны, несправедливость противоположной стороны, а с другой — защита от врагов, полагает она. Цицерон принимает, что справедливая война служит *fides* и *salus*, но война не будет справедливой, с точки зрения Цицерона, делает вывод А. Келлер, если она ведется не как наказание за причиненную противоположной стороной несправедливость или не для изгнания врагов; при этом ритуал фециалов, видимо, применяется только в случае наказания, а не при обороне от внешнего вторжения⁵³.

А. Келлер делает наблюдение, что в юридико-философском произведении «De legibus» в отношении вопроса о том, что есть справедливая война, по сравнению с двумя другими трактатами, нет новых ответов,

⁵⁰ Keller A. Op. cit. S. 162.

⁵¹ Ibid. S. 221.

⁵² Ibid. S. 163.

⁵³ Ibid. S. 164.

но это сочинение показывает, что тема справедливой войны оставалась для Цицерона значимой⁵⁴. Здесь Цицерон рассматривает войну, поставив вопрос о том, какие законы для жрецов и должностных лиц должны действовать в ее период, и можно утверждать, замечает А. Келлер, что война для Цицерона — это не свободное от права поле.

А. Келлер анализирует в интересующем ее ракурсе речи и письма Цицерона, отмечая, что в них он затрагивает прежде всего гражданские войны своего времени. При этом он в каждой войне недвусмысленно идентифицирует несправедливую и справедливую воюющую сторону, но не характеризует саму гражданскую войну как таковую в качестве справедливой или несправедливой⁵⁵. Те, кто начали войну, на его взгляд, поступают несправедливо, именно с их стороны война несправедлива. Другая сторона, которая, по мнению Цицерона, защищает римское общество, ведет справедливую войну. В обеих войнах, к которым Цицерон имел отношение, себя он причислял к справедливой стороне.

Цицерон не имел, пожалуй, намерения составить полный перечень критериев *bellum iustum*, замечает А. Келлер⁵⁶, напротив, он скорее давал ответы на единичные, конкретно поставленные вопросы. Она подчеркивает, что в основе этих ответов лежат этические принципы, так же как, освещая политические вопросы своего времени, Цицерон рассматривал их под этическим углом зрения.

Немецкая исследовательница констатирует, что во всех своих философских сочинениях обращается Цицерон своими конструкциями о войне к римским политикам. Есть только отдельные, с точки зрения Цицерона, рвущиеся к власти политики, которые своим своекорыстным действием расшатывают всю Римскую республику. Поэтому Цицерон подчеркивает, что нужно иметь в виду пользу всего сообщества людей, следует контролировать и наказывать ошибочные действия политиков. В сочинении «*De legibus*» поручает Цицерон эту задачу, в частности, фециалам, которые еще существовали к его времени, но их компетенция была уже ограниченной: А. Келлер усматривает здесь стремление Цицерона создать контролирующую инстанцию, возможность для которой он находил в римском ритуале начала войны.

А. Келлер, как и ряд других авторов, обращающихся к теме *bellum iustum* у Цицерона, полагает, что поставленные античным мыслителем вопросы актуальны и сегодня, поскольку они лежат в основе легитимных

---

⁵⁴ Keller A. Op. cit. S. 190.

⁵⁵ Ibid. S. 207, 222.

⁵⁶ Ibid. S. 221.

оснований войны и мира⁵⁷. Она считает, что цicerонова этика мира актуальна, хотя он не описывает прямо, что для него означает мир. Но из текстов можно заключить, пишет А. Келлер, что Цицерон понимает справедливое господство Рима над союзниками и провинциями как порядок мира (*Friedensordnung*): этот порядок считает он достойным того, чтобы к нему стремиться, однако он видит опасность несправедливых войн со стороны некоторых римских политиков и критикует последних. Соглашусь, что для Цицерона было естественно видеть и мироустройство, и мирную жизнь в его рамках как римское господство в Средиземноморье, но мне кажется странным полагать, будто бы подобные представления (представления о господстве, хотя бы и названном справедливым!) могут лежать в основе современной легитимизации войны и мира. Так недалеко ведь и до того, чтобы позитивно оценивать установление господства одного государства над другими в современном мире и отрицательно — войну против этого господства. Но речь у нас сейчас о другом: какой смысл вкладывал Цицерон в понятие «*bellum iustum*»?

Ответ на этот вопрос у А. Келлер однозначен: Цицерон рассматривает войну из этической перспективы, поэтому обоснованно переводит *bellum iustum* как «справедливая война»⁵⁸. Она при этом отмечает, что Цицерон свои представления о справедливой войне со временем развил (а они обнаруживаются ею уже с 63 г. до н.э. — *Catil.* II.1), но выраженное этическое фундирование впервые появляется в его позднем сочинении «*De officiis*» 44 г. до н.э.

Аргументация А. Келлер понимания *bellum iustum* у Цицерона как войны справедливой базируется, кроме «вписывания» вопроса в его этику, на следующих рассуждениях. Бросается в глаза, замечает она, что Цицерон прежде всего объясняет, при каких условиях война не является справедливой⁵⁹. По Цицерону, та война разрешена и даже необходима, в которой римляне другие народы, но особенно своих союзников и свои провинции, защищают от нападения третьей стороны. Вопрос о том, может ли Рим также против прямого нападения извне обороняться, Цицерон не ставит, подчеркивает А. Келлер, поскольку Рим из-за своей силы и величия к этому времени не мог очутиться в такой опасности. Нападение, без сомнения, изображается как несправедливость; по Цицерону, войны в ответ на нее должны быть разрешены. В трактовке А. Келлер, война для римского философа несправедлива, если не имеется оснований для нее, а имен-

---

⁵⁷ Keller A. Op. cit. S. 223–224.

⁵⁸ Ibid. S. 223.

⁵⁹ Ibid. S. 221.

но если война не относится к наказанию противоположной стороны за причиненную несправедливость или к отражению вторгшегося в область римского государства врага (*Cic. De rep. III.35*). Вместе с тем А. Келлер находит, что, на взгляд Цицерона, имеются и правовые основания справедливости, которые он связывает с правом народов (*ius gentium*), причисляя к нему право фециалов. А оно, как считает автор диссертации, имело первоначально религиозное значение, что также проявляется и у Цицерона. В рефлексии Цицерона о войне можно обнаружить этические, правовые и религиозные аспекты, заключает А. Келлер, а авторы, которые на первый план выдвигают правовую сторону, не делают ошибки, но освещают только один аспект среди многих⁶⁰.

Разумеется, Цицерон и глубоким философом являлся, и прекрасно был осведомлен в римской религии, и знатоком права был. И, конечно, контекст его рассуждений мог быть многоплановым. Со всем этим можно согласиться. Однако почему нужно заведомо исключать то, что в трудах Цицерона содержатся и обычные правовые «технические» термины? На мой взгляд, понятие «*bellum iustum*», употребленное Цицероном в конкретном контексте права фециалов, означавшее «законную», т.е. объявленную в соответствии с этим правом, войну, неоправданно получает в работах историков подчеркнутое сугубо этическое звучание, наполняется коннотациями справедливости/несправедливости. Причем делается это в порочной, по моему мнению, логике. В диссертации А. Келлер я вижу все тот же имеющий явные изъяны логический шаг: если войны такого-то характера не отнесены Цицероном к *iniusta bella* и, более того, отнесены им к имеющим *iusta causa belli*, значит, следует считать, что он их рассматривал как *bella iusta*. Однако то, что фактически называл Цицерон существенными признаками *bellum iustum*, отмечено им вполне конкретно и четко (*Cic. De off. I.36*): для него это такая война, которую ведут после предъявления требований, которую возвестили и объявили. Речь идет о ритуале, включавшем в себя требование исправления конфликтной ситуации, выдачу виновных, на что давался срок в 30 дней (или 33 дня), бросание копья фециалами во вражескую область. В случае чисто оборонительной войны против вторгшегося вооруженного врага описанные им этапы ее начала, естественно, не проходились. Под дефиницию *bellum iustum* война против вторгшегося врага и не подпадала.

Для Цицерона оборонительная война — это обоснованная война (*sum causa*), а обоснованность войны есть, как явствует из сочинения «*De re publica*» (*Cic. De rep. III.35*), предпосылка для ведения *bellum iustum*, но все же не сама она. И, по моему глубокому убеждению, те, кто ставит знак

⁶⁰ Keller A. Op. cit. S. 223.

равенства между *bellum iustum* и войной на основе *iusta causa belli*, делают это вопреки тексту Цицерона, за счет наполнения его собственными рефлексиями о справедливой и несправедливой войне. Почему-то кажется, что Цицерон искренне удивился бы, увидев такое «этическое фундирование» правового термина, возможно, даже лишь «технического» по характеру. Неужели знание того, что он глубокий философ, не дает нам возможности допустить, что не за каждым его словосочетанием нужно искать глубокую философию и этическое наполнение?

Тенденция наделять словосочетание «*bellum iustum*» у Цицерона политико-этическим смыслом и все более углублять именно такую его трактовку, представляющаяся мне не вполне адекватной тексту римского мыслителя, вызывала у меня пессимизм, поскольку перебороть ее — при такой массивной разработке в немецкой историографии — представлялось уже делом безнадежным, как в 2014 г. Мария Флориана Курси опубликовала статью «*Bellum iustum* между ритуалом и *iustae causae belli*»⁶¹, заставившую меня более оптимистично посмотреть на перспективы изучения темы. Она рассматривает историографическую ситуацию изучения *bellum iustum* у Цицерона, но абсолютно не касается трех проанализированных мною выше работ (К.М. Жирарде, Д. Либса и А. Келлер), даже не дает ссылки на них, что, конечно, несколько странно, особенно в отношении книги А. Келлер.

М. Курси, подчеркнув дискуссионный характер проблемы и дебаты по поводу рассуждений Цицерона в ее рамках, отмечает, что одни исследователи ограничиваются констатацией формальных признаков *bellum iustum*, другие, напротив, усматривают наличие признаков политического обоснования (т.е. политической теории) такой войны, при этом они ссылаются на слова о *iusta causa belli*. Тем самым она выделяет две основные линии в историографии по данному вопросу: юридически-формальную (*giuridico-formale*) и политико-субстанциональную (*politico-sostanziale*). Превалирует, как подчеркивает итальянская исследовательница, концепция о том, что в текстах Цицерона можно найти предпосылки для политически обоснованной теории *bellum iustum*. Те, кто придерживаются этого второго подхода, предлагают, как она отмечает, две интерпретации. Одни утверждают, что Цицерон вводит наряду с процедурой объявления войны фециалами также *iusta causa belli* в качестве дополнительного условия для определения войны как *bellum iustum*. Другие же считают, что концепция Цицерона *bellum iustum* содержит этико-политическую мотивацию войны. Первая интерпретация проявляется, уточняет М. Курси,

---

⁶¹ *Cursi M.F. Bellum iustum tra rito e iustae causae belli // Index. Quaderni camerti di studi romanistici. 2014. Vol. 42. P. 569–585 (<http://www.academia.edu/8420933>).*

в сочетании юридически-формальной и политико-субстанциональной (содержательной) сторон, поэтому она называет ее «смешанной» и относит к ней ряд авторов (в таком порядке: Л. Лана, Ф. Сيني, С. Альберт, М. Мантовани, М. Костиаль), указывая, что таковая нашла своих главных сторонников в итальянской историографии, хотя к приверженцам данной точки зрения М. Курси причисляет и немецких ученых. Названные исследователи разделяют мнение, что *bellum iustum* в концепции Цицерона основывается как на формальных, так и на содержательных характеристиках такой войны, но одни из них систематизируют войны в зависимости от их причин, а другие разделяют «объективную законность» (*die sachliche Rechtmäßigkeit*) и «формальную законность» (*die formale Rechtmäßigkeit*), а также делают акценты на субъективных и объективных основаниях войны⁶². Вторую интерпретацию М. Курси связывает с исследованием С. Клавадечер-Тюрлеманн (сравнивавшей концепцию Аристотеля о *δίκαιος πόλεμος* с римской концепцией *bellum iustum*), отмечая, что такой подход более сосредоточен на *iustae causae belli*⁶³.

М. Курси полагает, что одни концепции преувеличивают важность того или иного аспекта трактовки понятия «*bellum iustum*» (формально-юридического или этико-политического), другие пробуют найти гармоничное сочетание этих аспектов. Важным моментом дискуссии являются мнения по поводу размышлений Цицерона, заключенных в реконструированном (на базе свидетельства Исидора Севильского) пассаже его сочинения «*De re publica*» (*Cic. De rep. III.35*)⁶⁴. Значимость для дискуссии этого фрагмента обусловлена тем, что фраза о *causa belli*, которая и дает основание ряду исследователей переносить обсуждение в этико-политическую плоскость, содержится именно в нем. Л. Лорето, не поддерживая такой подход, стремился доказать, что данная фраза не была утверждением самого Цицерона, она является результатом реконструкции его текста.

Поэтому М. Курси подробно анализирует принципиальный вывод Л. Лорето об интерпретации фрагмента сочинения Цицерона «О государстве» (*Cic. De rep. III.35: Illa iniusta bella sunt, quae sunt sine causa suscepta. Nam extra ulciscendi aut propulsandorum hostium causam bellum geri iustum nullum potest. Nullum bellum iustum habetur nisi denuntiatum, nisi indictum, nisi repetitis rebus*). Л. Лорето исключал, что второе из трех приведенных предложений восходит непосредственно к Цицерону, приведя логические аргументы: несвязность текста (выпадение средней фразы из логики изложения), несо-

⁶² *Cursi M.F. Op. cit. P. 569–570.*

⁶³ *Ibid. P. 571.*

⁶⁴ *Ibid. P. 578.*

стоятельность трактовки *bellum iustum* с помощью двойной системы координат (формальной и субстанциональной) как на уровне внутренней структуры свидетельства, так и на уровне сравнения с другими пассажирами, в которых Цицерон связывает с понятием «*bellum iustum*» соблюдение только формальных моментов. М. Курси не думает, что эти аргументы можно рассматривать как решающие. Делает она это потому, что, во-первых, несвязность текста может происходить из-за характера цитирования размышлений Цицерона, а во-вторых, ее не устраивает, что Л. Лорето конструирует альтернативу между двумя группами утверждений, в которых комбинирует три фразы фрагмента: первая рассмотрена с точки зрения формальных признаков, вторая – с точки зрения субстанциональных, и выбирает первую «*un elementare principio di economia scientifica*», так как подозревает, что фраза, относящаяся к *iustae causae*, является интерполяцией⁶⁵. М. Курси добавляет, что недостаточная связь данного фрагмента с другими свидетельствами Цицерона не противоречит тому, что он может быть хорошо вписан во множество различных контекстов, подытоживая: «Мне не кажется, что среди приведенных доказательств есть те, которые позволяют серьезно сомневаться в подлинности фрагмента Цицерона»⁶⁶. Подобное заключение, отмечает М. Курси, казалось бы, дает основание предположить, что лучшую интерпретацию римской концепции *bellum iustum* следует усмотреть в «смешанной теории» (сочетающей юридически-формальную и политико-субстанциональную стороны). Но это только кажется, отмечает она, и полагает, что следует сменить угол зрения на феномен *bellum iustum*. Разграничение формальных и субстанциональных (содержательных) признаков может определенно быть полезным, чтобы аналитически собрать воедино компоненты римской концепции *bellum iustum*, отделив их сначала друг от друга, как в лаборатории, но это разделение искусственно, оно не отражает динамику исторического феномена⁶⁷.

Анализируя ритуал фециалов, М. Курси констатирует, что сначала требовалось преодолеть причиненную несправедливость: *gerum repetitio* подразумевало устранение таковой, и это, на ее взгляд, является субстанциональной юридической данностью, на которой моделируется процедура. По истечении предварительно объявленного срока, отведенного для возможной компенсации причиненного ущерба, война объявлялась перед людьми и богами, называлась легитимная причина конфликта, чтобы поставить народ, против которого действовали фециалы, вне закона,

---

⁶⁵ *Cursi M.F.* Op. cit. P. 578.

⁶⁶ *Ibidem.*

⁶⁷ *Ibid.* P. 579.

сделать его *iniustus*, что в ритуальных терминах означало, подчеркивает М. Курси, признание его легитимным врагом. Законность, формализованная в ритуале фециалов, представляла собой субстанционально, на взгляд итальянской исследовательницы, претензию, которая выражала позицию одной стороны конфликта, причем таким же образом, как это происходило в случае частного процесса, она кристаллизовалась в процедуре, которая не была пустой формулой (*leere Formel*), но сочетала в себе субстанциональную и формальную законность в соответствии с древней римской моделью формализма⁶⁸. При этом не имело значения, была несправедливость реальной либо же имела место надуманная претензия⁶⁹. Отражает это случай полководца Постумия (*Liv. IX.11.7–12*), рассмотренный М. Курси⁷⁰, когда римский военачальник использовал уловку, чтобы обеспечить римлянам более справедливую причину войны с самнитами. Данный эпизод с Постумием свидетельствует, по мнению М. Курси, о том, что соблюдение субстанциональной нормы подкрепляет процедуру объявления войны фециалами и исключает все проверки ее обоснованности. Она считает, что любые интерпретации войны римлян в политическом ключе не могут основываться на ритуале фециалов. Этот вывод представляется мне существенным, я его поддерживаю, полагая, что данный ритуал отражает сакрально-правовые нормы, он не может рассматриваться исследователями как фундамент этико-политических конструкций «справедливой» войны.

В единственном пассаже у Цицерона в «*De re publica*» (*Cic. De rep. III.35*), в котором есть упоминание о *causae belli*, можно усмотреть, пишет М. Курси, требование немедленного возмездия за несправедливость и отражения нападения врагов (*ulciscendi aut propulsandorum hostium causam*)⁷¹. Цицерон показывает, как она считает, субстанциональную и формализованную претензию в ритуале объявления войны. Следовательно, речь у итальянского автора идет о юридически содержательной (субстанциональной) претензии, имеющей формализованный вид. Центральная роль ритуала фециалов, который предшествовал *bellum iustum*, позволяет, на взгляд М. Курси, выявить юридическое значение *causa belli*, неразрывно связанное с ритуализацией войны⁷². Таким

---

⁶⁸ *Cursi M.F. Op. cit.*

⁶⁹ *Ibid. P. 580.*

⁷⁰ *Ibid. P. 580–581.*

⁷¹ *Ibid. P. 582–583.*

⁷² *Ibid. P. 585.*

образом, мы можем сделать вывод, что итальянская исследовательница находит в *bellum iustum* Цицерона не сочетание юридически-формальной и политико-содержательной (политико-субстанциональной) сторон, а сочетание юридически-формальной стороны и стороны юридически-содержательной (юридико-субстанциональной). Тем самым ее концепция по сути дела не оставляет места для трактовок *iustae causae belli* в этико-политическом русле. Следовательно, *bellum iustum*, могу я продолжить наблюдение М. Курси, — это сугубо юридическое понятие, но оно и не просто техническое — это понятие является правовым не только по форме, но и по содержанию.

М. Курси, сделав свой основной вывод, не соглашается при этом с предположением А. Калоре о том, что понятия «*causa belli*» и «*rerum repetitio*» совпадают, как и не считает верным предположение Л. Лорето, поддержанное Н. Рампаццо, допускающее маргинализацию *causae belli* в политико-пропагандистской сфере⁷³. Анализ, проделанный М. Курси, еще более убеждает меня в том, что к теории «справедливой войны» — в ее современных рефлексиях о справедливости — *bellum iustum* Цицерона отношения не имеет: данное понятие означало у античного мыслителя войну «законную», т.е. соответствующую правовым нормам (узаконенную ими).

В целом критический разбор современной историографии последних 10 лет по теме, посвященной *bellum iustum* у Цицерона, позволяет заключить, что немецкое антиковедение осталось на позициях трактовки этого понятия как этического — войны «справедливой»; более того, исследователями Германии были предприняты довольно масштабные попытки дальнейшего развития такой его интерпретации, которые, однако, я не могу признать убедительными. Интересные сами по себе построения немецких исследователей, как представляется, имеют весьма отдаленное отношение к тому непосредственному смыслу, который вложен в конкретные слова римского мыслителя. Итальянская национальная школа романистики тоже сохранила свой — юридический подход к проблеме, обогатив его новым ракурсом рассмотрения, возможно, не во всем бесспорным, но общая линия изучения проблемы отражает, как мне видится, гораздо более верный исследовательский путь.

---

⁷³ *Cursi M.F.* Op. cit.

V.V. DEMENTIEVA

BELLUM IUSTUM:
GUERRA «GIUSTA» O «LEGITTIMA»?
(DISCUSSIONE SUL SIGNIFICATO
DI TALE CONCETTO IN CICERONE)
(RIASSUNTO)

L'articolo presenta una rassegna analitica della storiografia degli ultimi decenni sul problema della definizione del concetto di *bellum iustum*. L'a. analizza così i lavori di K.M. Girardet, D. Liebs, A. Keller, M.F. Cursi. La tesi di K.M. Girardet è che Cicerone intese come *bellum iustum* la guerra fatta in risposta a *iniuria* (cioè a violenza, ingiustizia, offesa). D. Liebs equipara invece il *bellum iustum* alla guerra fatta *iusta causa belli*. Sul punto però L'a. opera un distinguo ritenendo che Cicerone considerasse il fatto di respingere un'aggressione esterna non *bellum iustum*, ma guerra fatta con *iusta causa belli*. A. Keller pensa da parte sua che Cicerone trattasse la guerra da un punto di vista etico. Quindi considerò il *bellum iustum* ciceroniano come una «guerra giusta». Ritenendo tale (Cic. De off. I.36) quella che fosse dichiarata in modo legittimo e in base a legittime rivendicazioni. M.F. Cursi pone l'accento infine sul carattere giuridico della dichiarazione di guerra. Cicerone mostra infatti di considerare come pretesa giuridicamente rilevante soprattutto quella supportata anche dalla correttezza dei requisiti formali. Il ruolo centrale del rito dei feziali che precedeva il *bellum iustum* permette di individuare il

significato giuridico della *causa belli*, che era strettamente connesso con la ritualizzazione della guerra. Questo porta a ridimensionare sensibilmente l'aspetto etico-politico nella considerazione delle *iustae causae belli*. Per M.F. Cursi quindi il *bellum iustum* di Cicerone non fu solo un concetto giuridico *in foras* e non fu soltanto un termine tecnico, ma un concetto giuridico anche dal punto di vista sostanziale. L'analisi di M.F. Cursi mostra insomma in modo convincente che il *bellum iustum* di Cicerone non avesse alcun rapporto con la teoria moderna della «guerra giusta»; né che fu condizionato in modo significativo da alcuna riflessione sulla giustizia. Per il retore, guerra «legittima» fu quella dichiarata e condotta nel rispetto delle norme giuridiche.

L'a. così conclude rilevando che la posizione della dottrina tedesca, fondata principalmente su un'idea di *bellum iustum* caratterizzata da motivazioni etiche sia quella meno convincente. Preferibile appare invece la posizione della recente dottrina romanistica italiana che indagando i dati delle fonti coglie l'aspetto forse più corrispondente alla verità storica che era quello del rispetto dei requisiti giuridici.